

Глава 6. Закупки

Цю Хуанянь опустил свою плетёную корзину на землю и, получив согласие Мэн Юаньлина, достал два лукошка, поставив их на длинный стол у окна в лавке.

Он сорвал ивовый лист, затем приподнял белую ткань, укрывавшую лукошко с гаолянги, и взял одну конфету. Длинные белые пальцы ловко обернули ивовый лист вокруг нижнего конца сладости.

Нежная зелень листа выгодно оттеняла алую, словно рубин, сорговую ириску, отчего та становилась похожа на диковинный цветок.

— С ивовым листком есть удобнее, и руки не испачкаете, — сказал Цю Хуанянь, протягивая по ириске каждому из присутствующих.

Покупатели, пришедшие за тофу, с удивлением разглядывали изящные сладости в своих руках, не решаясь откусить.

— Это и вправду из сорго сделано? Сколько стоит?

Лучше было сначала узнать цену. Если окажется слишком дорого, плакать будет поздно.

Юноша улыбнулся:

— Одна ириска — один вэнь, и детей, и стариков не обманываю. А из чего она сделана, вы и сами поймёте, когда попробуете.

Один вэнь? Разве бывают такие дешёвые сладости?

«Где ещё найдёшь сахар по такой цене?» — промелькнуло в головах покупателей.

Несколько человек с сомнением откусили по кусочку. Во вкусе действительно угадывались нотки сорго и сладкой свёклы. Эти продукты были им хорошо знакомы, но они никогда не пробовали ничего столь сладкого и нежного. Они могли распознать ингредиенты, но понятия не имели, как это было приготовлено.

Женщина с серебряными серьгами, доев свою порцию, решительно заявила:

— Одна монета за штуку, так? Дайте мне десять!

Остальные, опомнившись, тоже купили по несколько штук, чтобы угостить домашних.

Цю Хуанянь аккуратно завернул каждую ириску в ивовый лист и помог покупателям уложить их в корзины, приговаривая:

— Эта сладость зовётся гаолянъи. Я сам придумал рецепт. Теперь я буду приходить сюда каждый день после полудня и продавать их у лавки тофу. Если захотите купить, приходите прямо сюда.

Так разом было продано двадцать три сорговые ириски, принеся ему двадцать три вэня.

Когда покупатели ушли, Мэн Юаньлин достал медную монету и протянул её другу:

— И мне одну, пожалуйста.

Он отвёл его руку с деньгами.

— Мы же друзья, разве нет? Это угощение.

Тот хихикнул и стал разглядывать ириску на свету.

— Поразительно, что это и правда сделано из сорго. И так красиво, словно цветок. Отец с матерью утром закончили работу и ушли домой отдыхать. Старший брат с невесткой мелют бобы на заднем дворе, а средний брат повёз на телеге тофу в деревню семьи Ли, там у кого-то праздник. Я хочу и им отнести по несколько штук.

Мэн Юаньлин снова полез за деньгами, но Цю Хуанянь остановил его:

— Будем считать это платой за аренду места в твоей лавке.

После этого, как только кто-нибудь заходил за покупками, друзья предлагали попробовать и гаолянъи.

Видя, что невиданная сладость стоит недорого, красиво выглядит, а за её качество ручается сам Мэн Юаньлин, многие с удовольствием брали одну на пробу, а распробовав, почти всегда покупали ещё несколько.

Когда они возвращались домой и рассказывали о диковинке соседям, те специально шли в лавку за ирисками. А раз уж пришли, то заодно покупали и кусок тофу, что заметно оживило торговлю.

Меньше чем за четыре часа все сто с лишним конфет были распроданы. Общая выручка составила сто пятьдесят шесть медных монет.

— Кажется, мы сегодня продали как минимум на двадцать кусков тофу больше! Братец Хуа, ты просто невероятен! — возбуждённо пересчитывал выручку Юаньлин.

Кусок тофу весил полфунта и стоил три вэня. Двадцать кусков — это шестьдесят вэней, целая пригоршня монет.

Цю Хуанянь протянул ему ириски, которые специально оставил для его семьи. Тот, в свою очередь, отрезал кусок от оставшегося тофу, завернул в промасленную бумагу и сунул в его плетёную корзину.

— Раз мы друзья, то и я тебя угощу.

Пока они препирались, со двора вышли старший брат Мэн Юаньлина с женой.

Старший брат был человеком основательным и немногословным, зато его жена оказалась бойкой и расторопной женщиной. Она ещё вчера слышала о Цю Хуаняне, а теперь, увидев его, отрезала от тофу ещё один большой кусок и вложила ему в руки.

— Да что там есть в этом маленьком кусочке? У нас в семье ничего другого нет, зато тофу в избытке. Бери, ешь на здоровье! И в следующий раз, как будешь в городе, сразу заходи к нам, не стесняйся.

Юноша подумал, что, возможно, из-за того, что он пару дней назад поставил на место госпожу Чжао, семья Мэн прониклась к нему симпатией.

— Спасибо, невестка. Боюсь, теперь я буду беспокоить вас каждый день.

— Только рады будем!

До заката было ещё далеко, и Цю Хуанянь решил прогуляться по городу, чтобы потратить заработанное на необходимые вещи.

Городок Цинфу был невелик — всего четыре короткие улочки, но здесь было всё необходимое: мясные и бакалейные лавки, магазины тканей и ритуальных принадлежностей. Повсюду стояли торговцы, предлагая живых кур, свежие овощи и всевозможные поделки.

В руках у него было больше двухсот медных монет, и он знал, что сможет заработать ещё. Наконец-то можно было позволить себе небольшие траты.

Сначала он зашёл в мясную лавку, где потратил тридцать пять вэней на фунт свинины с прожилками сала, а потом добавил ещё пять, чтобы купить несколько обглоданных костей.

Затем, в лавке пряностей, он приобрёл по фунту имбиря и перца чили, отдав за них десять вэней. Что до более редких специй, то они были слишком дороги, и пока приходилось обходиться без них.

Напротив находился магазин тканей. В городке продавали только дешёвые хлопковые и льняные ткани — на шёлк здесь просто не было спроса.

Он зашёл внутри и осмотрелся. Большинство тканей были простых, немарких расцветок, без узоров.

Отреза ткани длиной в тринадцать метров обычно хватало на три комплекта одежды для взрослого селянина. Цзюцзю и Чуньшэн были ещё маленькими, так что при экономном раскрое можно было бы сшить по новому наряду для каждого члена семьи, включая старшего сына семьи Ду, которого он ещё даже не видел.

Лён стоил сто пятьдесят вэней за отрез, хлопок — четыреста. Цю Хуанянь решил, что подкопит денег и вернётся сюда позже.

После этого он обошёл все четыре улочки, купив порошок для чистки зубов, мешочек цзаоцзяо и двух молодых куриц-несушек, на что ушло семьдесят вэней.

Наконец он вошёл в лавку ритуальных принадлежностей.

Был не Цинмин и не праздник Чжунъюань, поэтому здесь было пусто. В тесном помещении витал густой запах жёлтой бумаги и благовоний.

— Кого поминать будете? — поднял глаза хозяин из-за прилавка.

— Гээр, умерший молодым, — ответил Цю Хуанянь.

— Замужем был?

— Не совсем.

Хоть тот юноша и был продан в семью Ду как муж-воспитанник, к моменту его прибытия старший сын уже уехал. Официальной свадьбы не было, как и поклонения Небу и Земле, так что замужеством это считать было нельзя.

Хозяин, о чём-то задумавшись, вздохнул:

— Таким могилу ставить не положено. Купите связку благовоний да стопку поминальных денег, сожгите там, где он похоронен. Этого будет достаточно, чтобы выказать уважение.

Юноша кивнул:

— Могу я одолжить у вас кисть и бумагу?

Хозяин не ожидал, что этот гээр с двумя курицами в руках умеет писать. Поколебавшись, он сказал:

— Один обрезанный лист сюаньской бумаги — три вэня.

Большой лист обычной сюаньской бумаги стоил столько же. Этот был меньше, но с учётом платы за пользование кистью и тушью цена была справедливой.

Цю Хуанянь с детства изучал каллиграфию. Он обмакнул кисть в тушь и принялся выводить на белоснежной бумаге изящные, чёткие иероглифы.

Это была поминальная речь, написанная современным человеком в память о том Цю Хуаняне из династии Юй, который теперь неизвестно где.

Речь была недлинной, но каждое слово шло от сердца. Имя поминаемого — Цю Хуанянь, имя поминающего — тоже Цю Хуанянь. Любой, кто увидел бы это, счёл бы происходящее странным.

Выведя последний знак, он перечитал написанное и, дождавшись, пока высохнет тушь, свернул лист и убрал его за пазуху. Затем он потратил двадцать пять вэней на лучшую связку благовоний и стопку поминальных денег.

Всего на покупки ушло сто пятьдесят вэней. Свежезаработанные деньги почти полностью разошлись.

Но он не жалел. Деньги нужны для того, чтобы жить хорошо. Какой смысл копить их, если они не улучшают качество жизни? Даже если и откладывать, начать можно и завтра. А в первый день успешной торговли стоит себя вознаградить.

Нагруженный покупками, он шёл ещё два часа. Когда небо начало темнеть, измотанный, но

довольный, юноша наконец вернулся домой.

В обед он перекусил в дороге лишь парой кусочков мяньцзиня и теперь был голоден. Разложив вещи, он прилёг на кан, собираясь немного отдохнуть перед тем, как забрать детей.

Не успел он полежать и мгновения, как во дворе раздался стук. Цю Хуанянь открыл ворота и увидел Ху Цюянь.

— Я подумала, ты сегодня наверняка устал. Услышала, что ты вернулся, вот и решила привести детей, — в руках женщина держала варёный кукурузный початок. — Дети уже поели. Я тебе оставила кукурузу. Отдыхай сегодня, не разводи огонь, не готовь.

Хотя поначалу её доброжелательность была вызвана желанием устроить обучение Юнькана, за последние дни она искренне привязалась к этому приятному юноше.

Он поблагодарил её, чувствуя, как в душе разливается тепло. С каждым днём он ощущал всё большую связь с этим миром.

Съев кукурузу, он наконец утолил голод и принялся окончательно разбирать покупки. Двух молодых куриц он пустил в курятник, тофу, мясо и кости убрал в глубокий чан в кладовой.

Цзюцзю и Чуньшэн смотрели на всё это с изумлением.

— Братец Хуа, это... это, наверное, очень дорого? — нерешительно спросила Цзюцзю.

— Недорого. Всё это стоит меньше, чем я сегодня заработал, — он с улыбкой погладил девочку по голове. — Когда братец заработает больше денег, мы, может быть, переедем в город. Вы с Чуньшэном сможете учиться, у вас будут новые одежды, и каждый день мы будем есть мясо. Цзюцзю, ты хочешь мяса?

Девочке казалось, что она не понимает слов братца Хуа. Переехать в город, носить новую одежду, учиться... Разве такое возможно для неё?

— ...Хочу мяса, — наконец тихо прошептала она.

Цю Хуанянь рассмеялся:

— Завтра в обед я вам его приготовлю. И вот ещё что: о том, что я заработал деньги и купил все эти вещи, пока никому не рассказывайте.

Дети хором пообещали.

Соргового и кукурузного крахмала оставалось ещё много, так что вечером готовить ничего не пришлось. Он научил детей чистить зубы порошком, умыл их, и все легли спать.

Лёжа на кане, юноша прикидывал в уме рентабельность ирисок.

Фунт сорго стоил четыре вэня. Из двух фунтов сорго можно было получить фунт крахмала, которого хватало на шестьдесят штук. С учётом всех добавок себестоимость составляла около десяти вэней, в то время как выручка достигала шестидесяти.

Получалось, что рентабельность гаолянъи достигала 500%!

Цифра звучала ошеломляюще, но на деле всё было не так просто. Цена одной конфеты была слишком низкой, а круг покупателей в городке — ограничен. Продажи не могли расти бесконечно.

Цю Хуанянь прикинул, что когда ажиотаж спадёт, он сможет продавать около ста штук в день, что принесёт восемьдесят вэней чистой прибыли. В пересчёте на современные деньги это было около сорока юаней.

Для начала это было очень неплохо, но до больших планов было ещё далеко. Придётся двигаться вперёд шаг за шагом.

На следующий день он проснулся сам, без петушиного крика.

Быстрее, чем вчера, он превратил оставшийся крахмал в ириски и разложил их по формам. Затем разбудил детей, разогрел остатки курицы с бульоном и велел им играть дома.

Сам же он уложил в корзину заранее отложенную миску с курицей, несколько сладостей, а также благовония, поминальные деньги, свиток с речью и огниво, после чего вышел из дома.

<http://bllate.org/book/15363/1372820>